

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.7.59>

Хамаганова Валентина Михайловна, Цыренов Бабасан Доржиевич

КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА СИНОНИМИИ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МИРА В ПАРАМЕТРИЧЕСКИХ СЛОВАХ РУССКОГО И БУРЯТСКОГО ЯЗЫКОВ

В статье в сравнительном плане рассматриваются синонимические возможности признаков параметрических слов русского и бурятского языков, что определяет новизну исследования. Сопоставление когнитивных оснований формирования синонимических отношений этих слов показало, что в бурятском языке посредством синонимов выражается не только доминантный признак, но и множество других свойств предметов, что является причиной невозможности взаимозаменяемости синонимов. В русском языке параметрические доминантные слова номинируют понятия более широкого объема, поэтому имеют широкий круг сочетаемости и активную взаимозаменяемость.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/7/59.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 7. С. 275-280. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

**PECULIARITIES OF TRANSLATING
THE ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE SEME “DISEASE”
INTO RUSSIAN**

Elagina Yuliya Sergeevna, Ph. D. in Philology
Pogosyan Arina Arturovna
Orenburg State University
dymok_july@mail.ru; arinushka11@mail.ru

The article considers the peculiarities of the English and Russian phraseological units with the seme “disease”, provides their comparative analysis and describes the usage of these phraseological units in context. The study focuses on the issue of adequate translation of phraseological units and assessment of their translation adequacy. The authors conclude that the basic means for translating phraseological units with the seme “disease” are loan translation and description; they refer to non-phraseological translation. Negative connotative meaning of these units in the English and Russian languages is identified.

Key words and phrases: phraseological units; connotative meaning; seme “disease”; translation technique; phraseology; idioms.

УДК 81.37

Дата поступления рукописи: 24.05.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.7.59>

В статье в сравнительном плане рассматриваются синонимические возможности признаковых параметрических слов русского и бурятского языков, что определяет новизну исследования. Сопоставление когнитивных оснований формирования синонимических отношений этих слов показало, что в бурятском языке посредством синонимов выражается не только доминантный признак, но и множество других свойств предметов, что является причиной невозможности взаимозаменяемости синонимов. В русском языке параметрические доминантные слова номинируют понятия более широкого объема, поэтому имеют широкий круг сочетаемости и активную взаимозаменяемость.

Ключевые слова и фразы: когнитивный подход; параметрические слова; синонимия; русский язык; бурятский язык.

Хамаганова Валентина Михайловна, д. филол. н., профессор
Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, г. Улан-Удэ
vmh2003@inbox.ru

Цыренов Бабасан Доржиевич, д. филол. н., доцент
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ
tsyrenovbabasan@mail.ru

**КОГНИТИВНАЯ СЕМАНТИКА СИНОНИМИИ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МИРА
В ПАРАМЕТРИЧЕСКИХ СЛОВАХ РУССКОГО И БУРЯТСКОГО ЯЗЫКОВ**

Сопоставительное изучение языков с применением когнитивного подхода позволяет осмыслить сходства и различия их функционирования, осознать своеобразие категорий отдельного языка. Известно, что каждый язык воспроизводит свою картину мира, в которой осуществляется концептуализация действительности. Проявление универсальных и национально своеобразных свойств действительности, вербализованных языком, представляет большой интерес как для теории познания, так и для лингвистики.

В статье делается попытка сопоставления некоторых когнитивных семантических оснований существования синонимии в русском и бурятском языках. Лингвистическое изучение объема понятий параметрических признаков, вербализованных синонимами в русском и бурятском языках, **актуально** как в междисциплинарном аспекте, поскольку позволяет получить важные новые данные о процессе восприятия, а также о формировании картины мира носителей русского и бурятского языков, так и для языкознания, для описания свойств синонимии в разнотипных языках, для выявления свойств когнитивной семантики в этих языках.

В сознании носителя языка языковую действительность нельзя отделить от внеязыковой, поскольку в языке реализуются результаты процесса познания мира. Носитель языка создает картину объективного мира и собственного его видения, он по-своему членит и концептуализирует действительность, воспринимает какие-то ее параметры, создает свою национальную картину мира. Язык воспроизводит эту картину, отражающую специфику национальной культуры. «Проблема нетождественности вербальной категоризации реальной действительности в разных языках может быть понята как проблема нетождественности образцов социально значимых деятельности, в рамках которых реальная действительность получает различное членение» [10, с. 7].

Нет сомнения, что картина мира в каждом языке строится на основе универсальных понятийных категорий, посредством которых осуществляется воспроизведение событийного мира. Универсальные категории,

такие, как время, пространство, субъект, объект, действие, процесс, состояние, количество, признак и др., имеют способы вербализации во всех языках. Однако эти способы могут быть разными: как словесными, так и описательными.

Представляется важным для понимания функционирования слов, номинирующих признаки предметов и вступающих в синонимические отношения в русском и в бурятском языках, выявление основы формирования синонимии. Цель статьи заключается в определении некоторых логико-понятийных оснований существования синонимов в русском и бурятском языках и выявление специфики формирования синонимического ряда для номинации параметрических признаков. Параметрические признаковые слова, вступающие в синонимические отношения, являются проявлением когнитивной семантики русского и бурятского языков, поскольку отражают знания носителей данных языков об окружающем мире, о внеязыковой действительности. В таком ракурсе синонимы, в том числе параметрические признаковые слова, разносистемных языков не рассматривались, поэтому выявление знаковой сущности параметрических слов, связанной с когнитивным процессом, «с выходом за пределы собственно языковой системы в область неязыковых, энциклопедических знаний, которыми овладевает человек в ходе всей своей жизнедеятельности» [3, с. 5], представляет научный интерес.

Проблемы явления синонимии в русском языке оживленно изучались в 60-70-е годы. В это время появились работы, посвященные общетеоретическим вопросам синонимии, проблемам составления синонимических словарей, рассмотрению функций синонимов. Синонимы были представлены как сложное лингвистическое явление, содержащее спорные и по-разному рассматриваемые в науке свойства: соотношение слова и понятия, определение критериев синонимичности, разновидностей синонимов, синонимии и вариативности и др. В бурятском языкознании проблемам лексической синонимии посвящено небольшое количество работ, среди которых центральное место занимает монография Н. Б. Дугарова [4], большое внимание синонимам бурятского литературного языка уделено Л. Д. Шагдаров [11]. Н. Б. Дугаровым в основу характеристик синонимов бурятского языка положено определение А. П. Евгеньевой [4, с. 9]. Обращение к современной для исследователя бурятского языка русской лингвистической парадигме было традиционным в бурятском языкознании. Резюмируя работы этих двух авторов, Г. З. Сажина отмечает, что основным способом выделения синонимов бурятского языка и установления синонимических рядов они считают обращение к предметам и понятиям, лежащим в основе значений слов [9, с. 63]. Определение синонимии по А. П. Евгеньевой как слов, «близких или тождественных по своему значению, обозначающих одно и то же понятие, но отличающихся друг от друга либо оттенками значения (близкие), либо стилистической окраской (тождественные), либо обоими этими признаками» [5, с. 9], может быть уточнено знанием о тождестве предметно-логического содержания значений, опирающегося на понимание объема понятий, выраженных синонимами.

В русистике в настоящее время представлена классификация подходов к изучению синонимов [2], осуществлено распределение синонимов по группам и предложен свой подход, не лишенный оснований. Исходя из того, что обусловленность отношений может быть внеязыковой или собственно языковой, автор приоритетным считает распределение класса синонимов на два типа: экстралингвистические (или «внешнеязыковые»), «возникновение которых связано с познавательной деятельностью носителей языка и соответствующей номинацией языковых объектов», и лингвистические (или «внутриязыковые»), «создание которых связано с процессами, происходящими в языковой системе» [Там же, с. 84]. Экстралингвистические синонимы (ср.: *идти* (в знач. «двигаться, передвигаться, ступая ногами») – *шагать* «идти (обычно размеренным шагом, в хорошем темпе)») в определенном отношении соответствуют идеографическим или понятийным синонимам, однако, по мнению автора, не тождественны им, учитывая их двоякое понимание как 1) нестилистических и 2) стилистически однородных. Лингвистические синонимические отношения возникают, в частности под воздействием таких разнообразных процессов, как функционально-стилистика дифференциация языка (*имущество* – *добро* (разг.) и т.д.), архаизация лексики (*каникулы* – *вакации* и т.д.), полисемия (*область* – *район*, *зона*; *область* – *сфера*, *круг*, *мир* и т.д.), в результате языковых контактов (*языкознание* – *лингвистика*, *ввоз* – *импорт*), тенденции к сокращению и экономии средств языка (*заместитель* – *зам*), особенностей словообразовательных процессов (*анекдотичный* – *анекдотический*), валентностных характеристик и других делений [Там же, с. 86].

Как представляется, приведенная точка зрения на разновидности синонимов ценна тем, что руководствуется правилами деления объема понятия – понятия, идущего от действительности, – и лингвистических свойств понятия синонимии в составе функционально-стилистика дифференциации языка и других метаязыковых свойств, лежащих в основе синонимии.

К задачам настоящего исследования относятся определение логических оснований формирования синонимии в русском и бурятском языках; выявление дефиниций в семантике параметрических признаковых слов бурятского языка, не заложенных в значении соответствующих русских синонимов; описание свойств объема параметрического понятия, вербализованного синонимами, и особенностей функционирования таких синонимических рядов в русском и бурятском языках.

Логическое основание свойств понятия вскрывает когнитивно-семантическое, экстралингвистическое различие формирования синонимов. Так, синонимия признаков в русском языке формируется на основе такого свойства понятия, как степень выраженности того или иного признака: *сырой* – *влажный* – *мокрый*; *молодой* – *юный*; *сильный* – *могучий*; *громкий* – *оглушительный* и др. Объем понятия имеет шкалу, и проявление признака предполагает его увеличение или уменьшение. Так, признак *сырой* может быть доведен до предела по своей сути – *мокрый*; или проявляться в незначительной степени – *влажный*. В этом плане возможности бурятского языка принципиально не отличаются от русского: *шиигтэй* ‘влажный, сырой’ – *нойтон* ‘мокрый’;

дулаан ‘теплый’ – халуун ‘горячий, жаркий’, эдир ‘юный’ – залуу ‘молодой’ и т.д. В подобных рядах наблюдается определенная градуальность в выражении признака.

Когнитивно-семантическая сущность признака «общее – частное» формирует в русском языке синонимы, например: *большой – крупный, обширный, продолжительный, многочисленный*. Основное содержание многозначного слова составляет значительная величина, которая проявляется в объеме (*крупный*), в протяженности в пространстве (*обширный*) и во времени (*продолжительный*), в количестве (*многочисленный*). Это же явление наблюдается и в бурятском языке: «*ехэ* 1) большой, крупный; взрослый; много (о жидких и сыпучих телах); *ехэ амжалта* ‘большой (или крупный) успех’; *ехэ барилга* ‘большое строительство’; *ехэ гэр* ‘большой дом’; *ехэ саһан* ‘много снега’; <...> 2) широкий, обширный, просторный (о пространственной протяженности); *ехэ тала* ‘обширная степь’; <...> 3) сильный, громкий; *ехэ хийтэн* ‘сильный мороз’; *ехэ дуун* ‘сильный звук; громкий голос’ <...>; 4) крупный, важный, высокий; *ехэ айлиһанай хүндэлэлдэ* ‘в честь высокого гостя...’» [12, с. 339].

Основанием для существования в русском языке синонимов *веселый – радостный; старый – дряхлый*, как представляется, служит когнитивно-семантическая сущность обусловленности. Синонимия формируется на основе причинно-следственных отношений: *радостный* – это тоже *веселый*, но по какой-то причине (*радостный блеск глаз при встрече, радостный смех детей при появлении Деда Мороза*). Как черта характера может быть оценено постоянное, привычное свойство человека быть веселым (*веселый он парень*, но **радостный он парень*). Можно предположить, что отношения причинности связывают синонимы *старый – дряхлый* (*Старый, поэтому дряхлый*). «Связь между словами *старый* и *дряхлый* объясняется взаимосвязью обозначаемых этими словами явлений действительности. *Старость* и *дряхлость* – разные явления, но между ними существует в природе тесная взаимосвязь: *старость* влечет за собой *дряхлость*, *дряхлость* – спутник *старости*» [6, с. 191]. Не отрицая такого когнитивного основания для данных синонимов, нельзя не отметить и значения большей степени выраженности признака в слове *дряхлый*. Отношения обусловленности связывают синонимические пары *энергичный – активный* или *энергичный – инициативный, пассивный – бездеятельный*, которые предполагают выражение в синониме значения результата, следствия. Думается, что это значение входит в объем понятия, вербализованного синонимами. Однако надо отметить, что значение обусловленности у синонимов *веселый – радостный* исходит из событийности в действительности, а у синонимов *старый – дряхлый* – из смысла признаков. Если в предыдущих случаях можно констатировать определенное сходство бурятского языка с русским, то в этом случае сходство отсутствует: в бурятском языке нет синонимических рядов с отношением обусловленности.

Сопоставление когнитивных оснований формирования синонимических отношений слов-признаков в русском и бурятском языках выявляет существенные различия в понимании объема понятий синонимов. Исследование показало, что в бурятском языке посредством синонимии признаковых параметрических слов выражается не только доминантный признак, но и множество других свойств предметов.

Обратимся к некоторым синонимическим рядам признаков *большой, узкий, тонкий, толстый, короткий* в русском и бурятском языках, номинирующих пространственные показатели предметов. Изучению подвергнуты только прямые значения признаковых слов, которые рассматриваются в русском языке как доминантные в синонимическом ряду.

В статье представлены те значения параметрических слов бурятского языка, которые соответствуют речевой практике носителей бурятского литературного языка.

Большой

По сведениям «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка», «большой» – ‘такой, который по величине больше среднего объекта того же класса или больше человека’: *Он выбрал самую большую розу*. И далее: «Большой может оценивать размер объекта по двум стандартам – абсолютному и относительному. Абсолютный стандарт – это размер человека: ср. *Валуны были большими, холодными*. Относительный стандарт – это средний размер объектов, однотипных с данным. Ср. *большой лист бумаги, большой восклицательный знак; У нее оставалось еще золотое кольцо с большим бриллиантом*» [7, с. 51].

«Большой» входит в состав группы параметрических прилагательных и характеризует пространственные объекты, особенно если их размеры не слишком велики, так что данное пространство может быть освоено человеком; ср. *большой луг, большое поле, большая роща*.

Синонимами прилагательного «большой» будут слова, обозначающие большую степень проявления признака *огромный, громадный, колоссальный, гигантский* и др., номинирующие признаки объектов, «по величине намного больше очень больших объектов из того же класса или намного больше человека» [Там же, с. 697].

В бурятском языке параметрический признак величины номинируется прилагательными *томо* и *ехэ*, характеризующими не разную величину наблюдаемого объекта, а местоположение наблюдающего:

- *томо* – определяет размер как полых, так и плотных предметов снаружи; наблюдатель находится вне объекта описания – *большой (томо гэр* ‘большой дом’);

- *ехэ* – определяет как размер, так и объем измеряемых предметов (*ехэ уһан, ехэ шорой* ‘много песка’) = *много чего-л., большой объем чего-л.*, а также размер полых предметов изнутри; наблюдатель находится внутри объекта (*ехэ таһалга* ‘большая комната’);

- *асари томо* – очень большой, усиление значения *томо*, поэтому переводится как *огромный, громадный*: *Соохорложо хайлашаһан саһанай дундуур асари томо тэргэдэ даруулжа, үхэнэн могой шэнги һунанхай харгын зурагар далан годиролдон хэбтэбэ* (Д. Батожабай. Төөригдэһэн хуби заяан (Похищенное счастье)) [13]. / *Среди*

подтаявшего снега с проталинами вился и тянулся вдаль загромыхивая дорожку, словно змея, раздавленная огромным колесом (здесь и далее перевод автора статьи. – Б. Ц.).

Узкий

Отражение своеобразного видения параметрической картины носителями бурятского языка наблюдается в выражении признака «узкий». Этот признак вербализуется словами *нарин, уйтан, хобишогор*, используемыми в разных ситуациях для выражения не только названного значения, но и дополнительных параметрических свойств предметов:

- *нарин* – определяет предметы, плоские в плане: *нарин харгы* ‘узкая дорога’, *нарин гол* ‘узкая (неширокая) речка’, *нарин шугам* ‘узкая линия/линейка’; определяет также тонкие трубчатые предметы: *нарин сорго* ‘узкая (тонкая) труба/трубка’, *нарин хоолой* ‘узкое горлышко/горло’; употр. также в составных названиях *нарин гэдээн* ‘тонкая’;

- *уйтан* – определяет объемные предметы, в т.ч. нечто вроде канала, ущелья: *уйтан самса* ‘узкая (тесная) рубашка’, *уйтан үмдэн* ‘узкие брюки’, *уйтан коридор* ‘узкий коридор’, *уйтан таһалга* ‘узкая комната’, *уйтан нүхэн* ‘узкая дыра (лаз)’; *уйтан хабшал* ‘узкое ущелье’, *уйтан гол* ‘узкая (вытянутая) долина’;

- *хобишогор* – определяет объемные трубчатые или цилиндрические предметы, а также предметы, имеющие форму конуса: *хобишогор гутал* ‘обувь с острым носком (букв. с узким носком)’, *хобишогор гэр* ‘узкий, конусовидный дом’: *Хобишогор хара гэрһээ гэгээн сагаан үдэрише булталзажа гарадаггүй аад...* (М. Осодоев. Заха холын займаха (На дальней заимке)) [Там же]; *уйтан түйсэ* ‘узкий тус’: *Гүнэй сүсэгыг тон наринаар абажа, тоно хэдэг хобишогор ута түйсэ руу хэнэ* (М. Осодоев. Баршуудхын дүүхэй (Баршудха)) [Там же]; *хобишогор бэе* ‘узкое тело’: в художественной литературе встречается и определение окон, видимо, по аналогии с лицом: *хобишогор нюур* ‘узкое лицо’; *хобишогор сонхо*: *...хобишогор сонхонуудайнь ставинууд шэрдэгдээ* (Ц.-Ж. Жимбиев. Талын харгынууд (Степные дороги)) [Там же]. / *...покрашены ставни узких окон (его)*.

В русском языке *узкий* – «1. Небольшой в ширину, в поперечнике. *Узкая улица. Узкое место.* 2. Очень тесный, недостаточно просторный. *Узкий рукав. Рубаха узка в груди*» [8, с. 736]. Синонимы: *неширокий, небольшой, незначительный* [1, с. 305, 556]. Как видим, в семантике слов нет указания на форму предметов.

Тонкий

В русском языке имеет значение ‘небольшой в поперечнике, в обхвате. *Тонкий слой. Тонкие пальцы*’ [8, с. 712]. Как параметрическое слово «тонкий» имеет синонимы, представленные в синонимических словарях только относительно определения ткани: *Тонкое сукно*. В Словаре синонимов русского языка З. Е. Александровой к этому значению слова *тонкий* зафиксированы синонимы *легкий, неплотный* [1, с. 538].

В бурятском языке параметрическое значение представлено несколькими синонимами:

- *нимгэн* – определяет такой параметр, как толщина у плоских предметов или имеющих условно прямоугольное сечение или овальное, при условии, что соотношение длины и высоты овала значительно отличаются – *тонкий*: *Хушажа унтаха юумэгүй хаа, нимгэн хүнжэлнүүдые абахадатнай болохо* (Б. Мунгонов. Хара халхин (Черный ветер)) [13]. / *Если вам нечем будет укрыться ночью, можете купить тонкие одеяла*;

- *нарин* – определяет такой параметр, как толщина у округлых предметов, имеющих условно круглое сечение или овальное, при условии, что соотношение длины и высоты овала значительно не отличаются – *тонкий*: *Тээд хурса турууниинь элэжэ, хүбишэгэй нарин хүлын хурдан хаядалаа алдаа* (Д. Батожабай. Төөригдэн хуби заяан (Похищенное счастье)). / *Но его острые копыта истерлись, а тонкие ноги потеряли былую резвость*;

- *харсагар* ‘тонкий’ – о материи, бумаге; почти прозрачный.

Толстый

Толстый как параметрическое слово в русском языке имеет дефиницию ‘большой в поперечнике’: *Толстая палка. Толстый ствол дерева* [8, с. 712]. Синонимические слова, зафиксированные в словарях русского языка, отражают только значение ‘большой в объеме, обхвате’: *Толстый человек. Толстые ноги*. [Там же]. Синонимы к этому значению слова *толстый*: *полный, жирный, тучный, пухлый* и др. [7, с. 1160].

В бурятском языке значение *толстый* вербализуется синонимами *бүдүүн, зузаан, тарган, дамбагар*:

- *бүдүүн* – определяет такой параметр, как толщина у округлых предметов, имеющих условно круглое сечение или овальное, при условии, что соотношение длины и высоты овала значительно не отличаются – *толстый*: *Гэрэй ханын бүдүүн модоной забһараар шэнэ ногоон хүбхэн бултайна* (Ч. Цыдендамбаев. Банзарай хүбүүн Доржо (Доржи – сын Банзара)) [13]. / *В щелях между толстых бревен дома проглядывает свежий зеленый мох*;

- *зузаан* – определяет такой параметр, как толщина у плоских предметов или имеющих условно прямоугольное сечение или овальное, при условии, что соотношение длины и высоты овала значительно отличаются – *толстый*: *Зузаан зузаан номуудые бэишэхэ хэрэгтэйл даа* (Ч. Цыдендамбаев. Түрэл нютагһаа холо (Вдали от родных степей)) [Там же]. / *Да, надо ведь писать толстые книги*;

- *тарган* ‘жирный’ (о мясе, продуктах; скоте, дичи), часто – о толстом, дородном человеке – характеристика с негативной точки зрения: – *Хэрэгтэй болохобайха, – гэжэ тарган урядник хэлээд, бүдүүн халаа эльбэ* (Ч. Цыдендамбаев. Банзарай хүбүүн Доржо (Доржи – сын Банзара)) [Там же]. / – *Скорее всего, понадобится, – сказал толстый (букв. жирный, упитанный) урядник и погладил свою толстую (в обхвате) бороду*;

- *дамбагар* ‘пухлый’ (урал – губы, *хурган* – палец); толстый об овальных, реже – плоских предметах: *...дамбагар томо уралтай, газарлиг бэетэй бригадирнай мэдээрхэбэ* (С. Цырендоржиев. Дуулажал яба даа, Должумаа (Пой же, Должумаа)) [Там же]. / *...наш коренастый бригадир с толстыми губами показал свою осведомленность*.

В этом случае картина параметрических свойств предметов в бурятском языке представлена своеобразно, поскольку отражает не только объем, но и форму предмета.

Короткий

В бурятском языке синонимами дифференцируются значения параметрического признака «короткий»:

- *богони* – короткий в длину (в т.ч. о времени), иногда о росте человека, высоте растения: *Үнээдэй саанаһаа алаг нохой харайжа ерээд лэ, богони һүүлээ шарбалзуулан, баанхатай һу руу хоншоороороо орошоно* (Ц.-Ж. Жимбиев. Урасхал (Течение)) [Там же]. / *Из-за коров выскочила пестрая собака и, виляя коротким хвостом, залезла всей мордой в банку с молоком;*

- *оодон* ‘короткий’ (о предметах со свисающими концами, краями, напр., хвост, край одежды); в определенном контексте это прилагательное может иметь и негативную коннотацию: короче, чем принято, необходимо, например о брюках, куртке, хвосте животного: *Овчарка шэдэһэн шулуундал зурагас гээд, Головкиной оодон дээгэлэй захата аһашаба* (С. Цырендоржиев. Шулуун хадын хойморто (У подножия скалы)) [Там же]. / *Овчарка, словно брошенный камень, метнулась и схватила за ворот короткой шубы Головкина;*

- *охор* ‘короткий’, в значении «недостаточный по длине, недостающий по длине», также употребляется со словами *хвост, штаны*: *Модоо городской улад охор үмдэтэй ябадаг болоогши* (Ц.-Ж. Жимбиев. Талын харгынууд (Степные дороги)) [Там же]. / *Сейчас городские ходят в коротких штанах.*

В русском языке все перечисленные значения слова *короткий* представлены контекстуально, они заложены в семантической признаково-актантной сочетаемости: 1. Небольшой в длину. *Короткие волосы*. 2. Меньший по длине, чем нужно. *Брюки коротки кому-н*. 3. Непродолжительный, небольшой по времени: *Короткий срок* [8, с. 263]. Возможные синонимы [1, с. 201] снимают многозначность слова *короткий*. Так, *укороченный* подчеркивает совершенное действие над предметом по сравнению с *короткий*. *Куцый* имеет отрицательную коннотацию. *Краткий, непродолжительный* относится к свойству времени. Но в контексте все эти значения могут быть представлены параметрическим многозначным словом *короткий*.

Таким образом, проведенное исследование показало, что объем понятия, обозначенный каждым синонимом в ряду рассмотренных параметрических прилагательных, в бурятском языке конкретный, дифференцирующий, отражающий кроме номинированного доминантного признака специфические свойства предмета: его форму, объем, плотность и др. Поэтому сочетаемость у этих слов ограничена определенным кругом предметов, их взаимозаменяемость невозможна, что обуславливается их узкой или ограниченной лексической валентностью, например: *нарин хурган* ‘тонкий (в объёме) палец’, но невозможно **нимгэн хурган* букв. ‘тонкий (в плоском измерении) палец’, **һарсагар хурган* ‘букв. тонкий (прозрачный, просвечивающий) палец’. По-видимому, это явление объясняется особенностями быта бурят в прошлом, когда условия кочевой жизни требовали от говорящего обозначать признаки предметов определенной формы разными параметрическими прилагательными. В русском языке параметрические слова номинируют понятия более широкого объема, не конкретизированные, поэтому рассмотренные параметрические прилагательные имеют широкий круг сочетаемости. Доминанта синонимического ряда параметрических слов включает все значения синонимов, что приводит к их взаимозаменяемости: *просторная комната – большая комната, куцый пиджак – короткий пиджак*.

Исследованный материал показал, что основное значение параметрического признака, вербализованного словом-доминантой, в русском языке имеет широкий диапазон выражаемого понятия, стабильно для любых определяемых предметов и имеет разнообразные функциональные возможности. Языковая концептуализация мира в русском и бурятском языках содержит специфическое отражение внеязыковой действительности в выражении пространственных отношений. Смысловый объем понятий изученных параметрических признаков содержит разные семантические составляющие в русском и бурятском языках.

Список источников

1. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка / под ред. Л. А. Чешко. М.: Русский язык, 1975. 600 с.
2. Бараникова Т. Б. Классификации синонимов: опыт логического анализа // Вестник Дагестанского научного центра. 2013. № 48. С. 82-87.
3. Болдырев Н. Н. Проблемы вербальной коммуникации в когнитивном контексте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 2. С. 5-14.
4. Дугаров Н. Б. Лексические синонимы в современном бурятском литературном языке. М.: Наука, 1978. 72 с.
5. Евгеньева А. П. Проект словаря синонимов. М.: Советская энциклопедия, 1964. 46 с.
6. Неманежина Л. П. Тожество понятия как основа синонимических отношений // Очерки по синонимике современного русского литературного языка: сб. статей. М. – Л.: Наука, 1966. С. 185-196.
7. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Изд-е 2-е, испр. и доп. / под общ. ред. Ю. Д. Апресяна. М.: Школа «Язык славянской культуры», 2003. 1488 с.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1983. 815 с.
9. Сажина Г. З. Критерии выделения синонимов в бурятском и английском языках // Лексико-фразеологическое своеобразие бурятского языка: сб. статей. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1985. С. 62-74.
10. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В. и др. Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. М.: Наука, 1982. 152 с.
11. Шагдаров Л. Д. Функционально-стилистическая дифференциация бурятского литературного языка. Улан-Удэ: Бурятское кн. изд-во, 1974. 348 с.
12. Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Буряад-оруд толи. Бурятско-русский словарь: в 2-х т. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2006. Т. I. А – Н. 636 с.
13. Электронный корпус бурятского языка [Электронный ресурс]. URL: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru (дата обращения: 29.05.2019).

COGNITIVE SEMANTICS OF SYNONYMY: CONCEPTUALIZATION OF THE WORLD THROUGH PARAMETRIC WORDS OF THE RUSSIAN AND BURYAT LANGUAGES

Khamaganova Valentina Mikhailovna, Doctor in Philology, Professor
East Siberia State University of Technology and Management, Ulan-Ude
vmh2003@inbox.ru

Tsyrenov Babasan Dorzhievich, Doctor in Philology, Associate Professor
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude
tsyrenovbabasan@mail.ru

The article compares the synonymic potential of the Russian and Buryat qualitative parametric words, which determines the originality of the study. Comparison of cognitive foundations for the formation of synonymic relations of these words leads to the conclusion that in the Buryat language, synonyms serve to express not only the dominant feature but many other features of an object, which makes it impossible to replace synonyms. In the Russian language, dominant parametric words designate wider notions; therefore, they are highly compatible and can be easily replaced.

Key words and phrases: cognitive approach; parametric words; synonymy; Russian language; Buryat language.

УДК 81.25

Дата поступления рукописи: 08.04.2019

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.7.60>

Транслитерация – распространенный прием перевода, описанный в научной литературе как сумма конкретных способов преобразования при переводе. При таком статистическом подходе к анализу указанного приема игнорировались многочисленные культурные факторы, существенно влияющие на результаты перевода. Между тем именно они зачастую определяют пути транслитерации. Учитывая вышесказанное, в данной статье осуществляется анализ культурных факторов, обуславливающих выбор того или иного варианта транслитерации. Выделяются доминирующие культурные и субкультурные факторы. Исследование проводилось на материале живого китайского языка, газетных статей, литературных произведений и т.д. По результатам анализа предлагаются принципы выбора оптимального варианта транслитерации.

Ключевые слова и фразы: транслитерация; прием перевода; способы преобразования при переводе; доминирующие культурные факторы; субкультурные факторы; принципы; выбор оптимального варианта транслитерации.

Ху Ешун

Шанхайский университет иностранных языков
huyeshuang@163.com

**ПРИЕМ ТРАНСЛИТЕРАЦИИ В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ
(НА ПРИМЕРЕ РУССКО-КИТАЙСКОГО И КИТАЙСКО-РУССКОГО ПЕРЕВОДОВ)**

Работа выполнена при финансовой поддержке ШУИЯ, проект 上海外国语大学导师学术引领计划项目.

Прием транслитерации обычно используется, когда в языках отсутствуют эквивалентные единицы для перевода. К нему чаще всего прибегают переводчики, когда нужно передать названия культурных реалий и явлений. Практически в каждой работе (А. В. Федоров, В. Н. Комиссаров, Л. С. Бархударов и т.д.) советского периода по переводоведению приводится описание приемов транслитерации. Например, А. В. Федоров отмечает: «Транслитерация при переводе на русский язык (или при рассказе или сообщении о фактах зарубежной жизни, или о быте братских народов СССР) применяется нередко в тех случаях, когда речь идет о названиях учреждений, должностей, специфических для данной страны» [7, с. 171]. В. Н. Комиссаров различает способы транскрипции и транслитерации. Он отмечает: «При транскрипции воспроизводится звуковая форма иноязычного слова, а при транслитерации его графическая форма (буквенный состав)» [3, с. 173]. Л. С. Бархударов обращал свое внимание на злоупотребление этим способом при переводе литературных произведений. Как отмечает ученый, в связи с тем, что прием транслитерации может передавать только звуковой или буквенный облик иноязычной лексической единицы, не раскрывая ее значения, результат использования такого приема без соответствующих пояснений часто вызывает у читателей недопонимание. Соответственно, указанным приемом при передаче иноязычных реалий следует пользоваться умеренно [2, с. 99]. Толковый переводоведческий словарь приемом транслитерации называет изображение заимствованного иностранного слова на письме буквами переводящего языка [5, с. 227]. Однако при учете культурных факторов становятся возможными несколько вариантов транслитерации, и при неправильном выборе такого варианта в тексте перевода возникают недопустимые ошибки.